

Марина Бобрик

Чужелюбие revisited

Abstract: The history of the word *chuzheliubie* in Russian is largely unclear. This word has not been included in dictionaries, and its use can be traced only partially. In the 1930s it was used by Mandelstam in his prose about Armenia, for whom, as Omry Ronen has shown, the notion of *chuzheliubie* was essential and had a purely positive humanistic meaning. Having found no other evidence of usage, Ronen assimilates *chuzheliubie* in his essays as a word from Mandelstam's vocabulary. However, this word has a prehistory, the outline of which will be reconstructed in the article. Of great significance in the semantic evolution of the word *chuzheliubie* is the reception of biblical sources. Not only related words and cognates of the word (in Hebrew, Greek, German) could be found, but also earlier contexts of its use in Russian literature. These contexts are connected with the discourse of European national conservatism and are semantically different from Mandelstam's usage.

Keywords: Osip Mandelstam, semantic evolution

Впервые, насколько мне известно, история слова и понятия *чужелюбие* стала предметом рефлексии в одноименном эссе Омри Ронена, для которого тема метаморфозы «чужого слова» в своем, повтора и «подтекста» (Ronen 1983: VIII–XIX) имела и биографическое основание: поликультурная и полиязычная биография обостряет ощущение того, что «человек живет среди людей, которые разделяются на своих и чужих, родных и неродных; народ — среди чужих народов, дружественных или враждебных; язык и культура — среди чужих языков и культур» (Ронен 2010: 5). Ронен употребляет *чужелюбие* и делает его своим как слово из языка Мандельштама, не зная, точно ли оно введено поэтом или существовало и прежде: «Кажется, единственный в новой русской литературе, он, говоря в *Путешествии в Армению* о радости погруже-

ния в общество иной расы, „которой вчуже гордишься“, употребил это слово» (Там же: 12). Вот это место в финале первой главки *Путешествия*:

Нет ничего более поучительного и радостного, чем погружение себя в общество людей совершенно иной расы, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой вчуже гордишься. Жизненное наполнение армян, их грубая ласковость, их благородная трудовая кость, их неизъяснимое отвращение ко всякой метафизике и прекрасная фамильярность с миром реальных вещей — всё это говорило мне: ты бодрствуешь, не бойся своего времени, не лукавь. Не оттого ли, что я находился в среде народа, прославленного своей кипучей деятельностью и, однако, живущего не по вокзальным и не по учрежденческим, а по солнечным часам, какие я видел на развалинах Зварднодза в образе астрономического колеса или розы, вписанной в камень?

Чужелюбие вообще не входит в число наших добродетелей. Народы СССР сожительствуют как школьники. Они знакомы лишь по классной парте да по большой перемене, пока крошится мел.

(Мандельштам 2020: II, 262–263)¹

Напротив, для Мандельштама это понятие — из главных:

Чужое, любовь к чужому, восприятие своего как будущего чужого и узнавание чужого в своем при вечном круговороте возвращений — едва ли не главная эмоциональная и мирозерцательная составляющая в поэтическом самосознании Мандельштама.

(Ронен 2010: 11)

Вопрос об источнике этого слова Ронен, приведя похожие греческое, церковнославянское и древнееврейское понятия, оставляет открытым:

Источник его неясен. Греческое «филоксения» переводится на русский язык как «страннолюбие» или «гостеприимство», а в церковнославян-

1 Здесь и далее полужирный курсив в цитатах мой. — М. Б.

ском и в болгарском «чуждолюбие» значит служение чужим богам, идолопоклонство, «авода зара» у евреев.

(Там же: 12)

Ни в один толковый словарь русского языка слово *чужелюбие* не вошло, нет его и в нынешнем составе Национального корпуса русского языка (далее: НКРЯ). Однако употребление этого слова по меньшей мере на столетие с небольшим старше *Путешествия в Армению*. Интересно взглянуть на предысторию мандельштамовского понятия, с тем чтобы затем вернуться к вопросу о его источниках.

В языке поколения родителей Мандельштама слово *чужелюбие* обнаруживается в значении чрезмерного предпочтения иностранного своему, отечественному. В этом смысле его употребляет, например, Н. С. Лесков в незавершенном романе *Соколий перелет* с подзаголовком «Записки человека без направления» (1883):

Посылая меня в чужие края, отец дал мне короткое наставление: — Береги честь с молодю, а платье с нову; не трать даром денег, потому что у нас их немного, но живи прилично, чтобы немцы не думали, что у нас дворяне какие-нибудь нищие, и набирайся у умных людей ума и добрых мыслей, но не привози домой *чужелюбия* и к родине непочтения. Прощай!

(Лесков 1977: 55)

Об отце, который дает это наставление, Лесков говорит как о человеке «без направления», «или это было направление свойства скорее органического, чем историко-политического», и поясняет:

Он, например, терпеть не мог немцев и избегал всяких с ними соотношений, но это касалось только немцев, управляющих русскими имениями и русскими департаментами, да немцев-переселенцев, которые благодаря внедрившимся здесь своим землякам сели у нас с льготами и привилегиями, которые отец считал за большую обиду русскому народу. Но он был жаркий поклонник немецкой науки и восторженный почитатель немецких поэтов и богословских писателей, с которыми был знаком самым основательным образом, и прекрасно прилаживал

полумистическое настроение последних к своему народному религиозному взгляду.

(Там же)

Портрет «порядочного» героя, который сочетает в себе ксенофобию и прагматизм, Лесков резюмирует в следующих словах: «Родители мои не были ни либералами, ни консерваторами, ни аристократами, ни демократами, но были просто люди справедливые и простосердечные, хотя и наблюдали „свою амбицию“» (Там же: 47–48).

Еще раньше (в том же смысле предпочтения иностранного своему) это слово встретилось у предпринимателя и публициста круга «Русского вестника» и московских славянофилов В. А. Кокорева в патриотической речи (1856) в честь «севастопольцев» — участвовавших в Крымской войне офицеров и матросов Черноморского флота:

Да обновится русский человек новою привязанностью к России и всему русскому! Да явится он, дома и по всей Европе, самобытен и самостоятелен. Да ознаменуется новый период русской жизни, период Севастопольский, проявлением смиренномудрия, создающего истинную, непризрачную силу! Да воссияет свет русского смысла в начальствующих и начальствуемых, везде и во всем, и да избавит он нас от всякого спотыкания, неизбежного во тьме бессознательного **чужелюбия!**

(Кокорев 2014: 259)

Талантливый автодидакт, Кокорев любил сложные слова, церковнославянские или похожие на них; кроме *чужелюбия*, в его публицистике есть *общелюбие*, *отчизнолюбитель* ‘патриот’, *самозабвение*, *духоугашение*, *богобоязнь* и др.

Обнаружить слово *чужелюбие* в массиве русской словесности не просто; создается впечатление, что оно и употреблялось редко. Иногда встречается его экспрессивный синоним *чужебесие* (в аналогичном немецком дискурсе эпохи ему соответствует *Fremdensucht*, перевод греч. *хепотанία*). Чаше употребляется (хотя тоже отсутствует в словарях и в НКРЯ) слово *чужелюбец*, что, как кажется, понятно: в критических выпадах против отдельных лиц или группы лиц, обвиняемых в «чуже-

любии» и «чужезычию» (предпочтении европейского отечественному), конкретное *чужелюбец* нужнее, чем абстрактное *чужелюбие*. Образчики такого употребления появляются не позднее 1810-х гг.:

Простите, господа **чужелюбцы**, старые и малые! Я Руской, люблю отечество, люблю правду! (1817 — [Чиляев] 1817: 66)²

А со всем тем наши **чужелюбцы** хлопочут о каком-то европействе, неужели об умствованиях и перемудрениях, вовлекших Европу в порабощение [Наполеоном], из которого мы же выручили ее нашей кровью? (1836 — Шаховской 1886: 377)

Князь Михаил Александрович Голицын слишком обруган за его житье в чужих краях и за мнимое презрение к России. Я сначала подумал, что обо мне речь идет, но услышав о 10000 душах, коими **князь-чужелюбец** владеет, успокоился. (А. И. Тургенев П. А. Вяземскому, 8 окт. 1842 — Остафьевский архив: 1899: 178)

Ср. в историческом романе эпохи Мандельштама, где под чужелюбцами иронически подразумеваются «западники» прошлых времен:

Понятно после этого, как высоко ценились в то время у нас **чужелюбцами** такие исключительные личности, как княжна Долгорукая, так прекрасно воспитанная, что ее и за русскую трудно было принять, совсем иностранка, как лучшие представительницы польской нации. (Мердер 1906: 756)

К рубежу XIX/XX веков слово *чужелюбие* как будто уходит, по меньшей мере становится еще более редким, чем прежде, и в начале 1930-х годов, в мандельштамовском *Путешествии в Армению*, появляется в

2 Ср. в предисловии издателя Е. И[змайлова]: «Видя, что большая часть обыкновенных писателей посвящают все искусство свое описанию и прославлению только иностранного, не имея времени даже взглянуть на отечественное, — мне казалось, что я отступлю от обязанности истинного гражданина и христианина, ежели умолчу и т. д.» (Там же: б. п.).

обновленном смысле — как слово, забывшее свою предысторию или вовсе не знавшее ее.

«Чужое» Мандельштама гораздо шире, чем «чужеземное», «иностранное», и подразумевает всю сферу культурной коммуникации человека: будущее (потомки) и прошлое (предшественники), то, что внутри границ своего языка и своей культуры (ближнее чужое) и то, что за этими границами (чужеземное). Воплощения «чужого» — «чужая речь», «чужой народ», «чужие боги», наконец, «любовь между чужими, иноплеменными» определяются скорее личной точкой зрения («мое» vs «не-мое»), чем конструируемой точкой зрения народа или нации («наше» vs «не-наше»)³.

В таком широком понимании слово *чужой* имеет, по сути, значение 'другой' в его противопоставленности 'моему', как немецкое *fremd* и французское *d'autrui* (букв. 'относящееся к другому; принадлежащее другому'). Емким *-любие* выражается открытость навстречу широко понимаемому многообразному «чужому» и готовность к восприятию его и усвоению. В чужой культуре и чужом языке Мандельштам видит не отраву, но потраву — питательную, обновляющую силу, источник творчества: «Любовь к чужому определяет отношение Мандельштама к языкам, народам и религиям как к орудию и материалу поэзии» (Ронен 2010: 13). В общезитии же людей чужелюбие — добродетель.

В своем понимании «чужого» и чужелюбия Мандельштам оказывается не просто по другую сторону от критиков «европеизма», но и вообще вне дихотомии «западники» vs «славянофилы»⁴. Помимо и поверх идеологического дискурса, самого времени — «ни на минуту не веря в разлуку» («Батюшков», 1932 — Мандельштам 2020: I, 152) — он

3 Анализ контекстов см. в цитируемой работе Ронена; круг обсуждаемых автором сюжетов из лирики Мандельштама читатель без труда дополнит рядом случаев из прозы поэта, в частности «Разговора о Данте» и «Шума времени», «Бури и натиска» и «Vulgata» и др.

4 Ср. видение Мандельштама как «западника»: «На мой взгляд, в своем языкотворчестве Мандельштам сопоставим только с фигурой Хлебникова. Для меня творчество Хлебникова и творчество позднего Мандельштама — ветви, растущие из одного ствола, но если Хлебников являлся, так сказать, славянофилом, погруженным в недра праславянского единства, то Мандельштам выступает как типичный западник, испытывающий тоску по мировой культуре и обращающийся не к одному конкретному языку, а ко всей языковой совокупности» (Успенский 2014).

обнаруживает «избирательное сродство» с Батюшковым, озаглавившим свою записную книжку 1817 года «Чужое: мое сокровище!». Наполняющие ее выписки из авторов и конспекты разных сочинений («чужое») составляют личное собрание драгоценных сокровищ духа (ср. франц. *mon trésor*)⁵, ср.: «И не одно **сокровище**, быть может, / Минуя внуков, к правнукам уйдет; / И снова скальд чужую песню сложит, / И как свою ее произнесет» («Я не слышал рассказов Оссиана...», 1914 — Там же: 61).

На не менее важное и, может быть, более глубокое родство указывает определение Мандельштамом чужелюбия как добродетели. Имею в виду центральный текст о чужелюбии, а именно Пятикнижие, где речь идет о заповеди любви к другому человеку (Лев 18:19), в частности любви к чужому (Лев 18:34). В поле рецепции этого текста входят все те понятия и термины, которые можно привлечь в качестве более или менее близкого аналога мандельштамовскому слову: и упомянутые Роненом греч. *филоксения* и цсл. *штужделюбие* (вар. *щужделюбие* — Срезневский 1989: 1612), и, кроме того, рус. *чужелюбие* XIX в. (см. выше), нем. *Fremdenliebe* и введенное Ф. Ницше слово *Fernstenliebe* (*Так говорил Заратустра*).

В Торе заповедь об отношении к другому человеку формулируется с помощью термина *reah* (רֵאָה) ‘другой (человек); тот, кто оказывается рядом со мной’ и глагола *AHV* (אָהַב) ‘любить’, который в этом месте (одном из двух в Танахе) употреблен как непереходный (Gesenius 1921: 12) и выражает внеэмоциональное благожелательное отношение, регламентируемое этическими нормами сообщества (Лев 18:19). Этой заповеди предшествует ряд этических запретов, каждый из которых (как все важнейшие социальные установления Пятикнижия) скрепляется формулой самоназвания Того, кто говорит, так что заповедь любви к другому понимается в этом контексте как альтернатива всему многообразию ложных путей поведения. Следом сформулирована и также скреплена «подписью» Говорящего заповедь любви к чужому, названному словом *ger* (גֵּר) ‘(живущий в Израиле) выходец из другой земли’ (Лев 18:34).

5 Ср. тогдашнее словарное определение этого значения: *сокровище* ‘богатство, имущество, стяжание редких и дорогих вещей’ (*Собирать, хранить сокровище*) (САР 1822: 359).

В Септуагинте *reah* переведено словом *plēsion* (πλησίον) ‘тот, кто рядом; другой человек’, ‘der Nahestehende, der Nächste, der Mitmensch’ (Bauer 1937: 1122), в церковнославянской Библии и, далее, в русском каноническом («Синодальном») переводе — словом *ближний*. Термину *ger* в Септуагинте соответствует *prosēlytos* (προσήλυτος), буквально ‘пришедший’ (ср. в Вульгате слово *advena* с тем же буквальным значением), отсюда в церковнославянском и в русском переводах — калькирующее этот греческий образец слово *пришелец*⁶.

Таков начальный текст европейского дискурса чужелюбия; определенные нормы отношения к чужому устанавливаются в нем в конкретных терминах участников ситуации; обобщенного названия самого отношения нет. Термин, называющий именно отношение, появляется лишь в процессе рецепции древнееврейского текста. Новозаветная линия этого процесса для европейских языков культуры в особенности значима. Русский литературный язык Нового времени (в этом, как и во многих других случаях) совмещает в себе два импульса новозаветного текста — один, более ранний, идущий через церковнославянский перевод, другой, более поздний — через посредство новоевропейских языков (в первую очередь французского и немецкого).

В Новом завете важно в этом смысле прежде всего обсуждение «братолюбия» и «страннолюбия» в посланиях апостола Павла (Рим 12:10–13; Евр 13:2–3) как двух основных заповедей отношения к другим людям — «своим» и «чужим» соответственно. В новом социально-языковом контексте первые — это братья по вере; отношение к ним переводится из плоскости права в плоскость благочестия: «Братолюбие (ἡ φιλαδελφία) да пребывает; страннолюбие (τῆς φιλοξενίας) не забывайте» (Евр 13:2–3).

Церковнославянский перевод термина *philoxenia* (φιλοξενία), *страннолюбие*, перешел в русский канонический перевод Нового завета и дал в русском общелитературном языке Нового времени обозначение гостеприимства и милосердия к социально обделенным⁷; в современном языке значение слова *странный* изменилось и не связывается

6 Заимствование *прозелит* приобрело значение ‘принявший новую веру’, в расширительном смысле — ‘новый и горячий приверженец чего-н. (учения, движения и т.п.)’ и употребляется синонимично слову *неофит* (Крысин 1998: 566).

7 Ср., в частности, институт «странноприимных домов».

больше с понятиями «чужой», «чуждый», «иноверец». Термин *чужелюбие*, таким образом, в русском языке — не из церковнославянского⁸.

Строение слова *чужелюбие* позволяет предположить кальку с греческого, однако в греческих композитах того же типа элемент 'любить' регулярно на первом месте, ср. *philoponía*, *philogynía*, *philarchía* etc.; в русском им столь же регулярно соответствуют слова с элементом 'любить' на втором месте, ср. соответственно: *трудолюбие*, *женолюбие*, *властолюбие* и т. д. Механизм этот, очевидно, старый, настолько, что и в древнецерковнославянском *philoxenía* было переведено как *страннолюбие*. Может быть, *чужелюбие* — новая калька с греческого? Нет, однако, никаких видимых оснований считать, что в XVIII–XIX вв. существовали какие-то авторитетные и одновременно оставшиеся неизвестными греческие источники для появления в русской культуре понятия чужелюбия.

Наиболее вероятным посредником представляется немецкое *Fremdenliebe* (антоним слову *Fremdenhass*), построенное по модели *Nächstenliebe* 'благожелательное отношение к «ближнему», другому человеку' (см. выше) и как таковое до сих пор воспринимаемое. Именно этот термин до сих пор употребляется при обсуждении начального текста Пятикнижия в отношении живущих в Израиле выходцев из других земель (*Fremdlinge* согласно основным немецким переводам)⁹.

В немецком языке XIX в. новозаветное каноническое и светское словоупотребления совпадали¹⁰. В светских контекстах слово *Fremdenliebe* употреблялось во вполне положительном смысле, ср.: „Das die *Fremdenliebe* in der Natur des Römers begründet sei, und nicht

8 В церковнославянском языке *чуж-* (*штужд-*) и *стран-* с древности сосуществовали как (региональные) варианты; в русском изводе церковнославянского языка из двух конкурирующих основ закрепилась вторая, отсюда *странноприимство*, а не *штужделюбие*, как в болгарском. Согласно словарю Срезневского (1989: 1612), единичное употребление слова *штоужделюбие* (*philoxenía*) на Руси отмечено в русском списке 1073 г. с древнеболгарского Изборника царя Симеона, как раз в цитате из Рим 12:13.

9 Лев 19:18; 19:34; см.: Zehnder 2009; Crüsemann 1987. Оживление этого словоупотребления в нынешнем немецкоязычном публичном пространстве вызвано дебатами о миграционной политике, особенно интенсивными начиная с середины 2010-х гг.

10 Заимствованные из греч. *Philoxenie* и *Philostorgie* поясняются в тогдашних немецких словарях иностранных слов как словом *Gastfreundlichkeit* (Kaltschmidt 1856: 549), так и, кроме него, словом *Fremdenliebe* (Heyse 1853: 664).

bloß durch gegenseitige Verhältnisse herbeigeführt werde, davon kann auch der Gegensatz andrer italienischer Städte, namentlich Neapels, einen mittelbaren Beweis liefern“¹¹ (Müller 1820: 135).

В критическом смысле слово *Fremdenliebe* (наряду с более едким *Fremdensucht*) употреблялось в националистическом дискурсе эпохи романтизма, в частности в качестве собственно немецкого со-ответствия заимствованию *Xenomanie* ‘чужепочитание, чужебесие; погоня за иностранцами и всем иностранным’: „Die Fremdensucht, *Fremdenliebe*, die Ausländersucht“ (Oberbauer 1848: 431)¹².

Русские консерваторы того же времени в похожем смысле употребляли слово *чужелюбие*. Взаимосвязи между двумя этими од-новременными и идеологически сходными традициями хорошо известны.¹³ Предполагаю, что *чужелюбие* появилось в русском из гре-ческого *philoxenia* через посредство немецкого *Fremdenliebe*, подобно тому, как позднее через немецкое (и, возможно, французское) посред-ство был заимствован из греческого антоним чужелюбия — *ксенофо-бия* (Крысин 1998: 372).

Такое опосредованное калькирование слова *чужелюбие* можно предполагать скорее в светской традиции русской словесности, так как в каноническом переводе Нового завета вслед за церковнославянским было принято слово *странноприимство*. Именно в светской словес-ности, как можно было видеть на примерах из текстов XIX и начала XX века, содержание понятия «чужелюбие» шире, свободнее от рели-гиозной морали и могло включать не только человека («чужого»), но и определенные ценности («чужое»). Все выявленные нами контексты принадлежат консервативному дискурсу и несут в себе враждебное от-ношение к чужому.

Мандельштам, напротив, открыт чужому; в этом смысле его *чу-желюбие* в известной мере сходно с развиваемой Ф. Ницше иде-

11 «Ксенофилия есть натуральное свойство римлянина, а не просто развившееся силою взаимоотношений с соседями, о чем свидетельствует противоположный пример дру-гих итальянских городов, в частности Неаполя».

12 Ср. только *Fremdensucht* ‘übertriebene Vorliebe für Fremde oder Fremdes’ (Kaltschmidt 1856: 730).

13 Ср., в частности, о немецких источниках концепта «гибель Запада» (Долинин 2020: 22–24).

ей *Fernstenliebe* (в буквальном сравнительном смысле ‘любовь к отдаленному’, в русских переводах *любовь к дальнему*), полемически противопоставленной новозаветному понятию *Nächstenliebe* и подразумевающей не только «дальнего», но и «дальнее» (Ritter 1972: 933):

Rate ich euch zur Nächstenliebe? Lieber noch rate ich euch zur Nächsten-Flucht und zur ***Fernsten-Liebe!*** / Höher als die Liebe zum Nächsten ist die ***Liebe zum Fernsten*** und Künftigen; höher noch als die Liebe zu Menschen ist die Liebe zu Sachen und Gespenstern.

(Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. — Nietzsche 1967: 584)¹⁴

В «советской ночи» старое *чужелюбие* не помнят, мандельштамовское *чужелюбие* не знают. Терминология консервативно-патриотического дискурса изменилась: ругать стали не *чужелюбцем*, а сначала *западником*, потом — *безродным космополитом*; вместо *чужелюбие* утвердилось клише *низкопоклонство перед Западом*. За время непубликации Мандельштама в СССР и без того редкое слово *чужелюбие* покоилось в неизвестности и вышло на поверхность вновь как слово из лексикона Мандельштама. Доступные наблюдению употребления этого слова так или иначе связаны с этим автором и носят цитирующий характер, а само слово обычно заключается в кавычки.

Ронен первым сделал шаг к усвоению слова *чужелюбие*: так названо эссе и вся книга, этим эссе открываемая (Ронен 2010). Автор книги употребляет слово *чужелюбие* в мандельштамовском смысле и другого, как упоминалось в начале, не знает. Кавычки отброшены. Есть шанс, что воскрешенное слово удержится, причем именно в том глубоко гуманистическом смысле, который оно имеет у Мандельштама.

14 «Разве я советую вам любовь к ближнему? Скорее я советую вам бегство от ближнего и любовь к отдаленному! Выше любви к ближнему стоит любовь к отдаленному и будущему; выше любви к человеку — любовь к предметам и идеям» (перевод мой — М. Б.).

Литература:

- Долинин, Александр (2020): *«Гибель Запада» и другие мемы: Из истории расхожих идей и словесных формул*. Москва: Новое издательство.
- Кокорев, Василий (2014): *Экономические провалы*. Москва: Директ-Медиа.
- Крысин, Леонид (1998): *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Русский язык.
- Лесков, Николай (1977): «Из творческих рукописей (незавершенные произведения)» / Богаевская, Ксения (вступ. ст., публикация), в: *Литературное наследство*. Т. 87: *Из истории русской литературы и общественной мысли: 1860–1890 гг.* Москва, 36–158.
- Мандельштам, Осип (2020): *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Мец, Александр (сост.). Санкт-Петербург: Интернет-издание.
- Мердер, Надежда (1906): «Звезда цесаревны», в: *Исторический вестник*. Т. 103, 13–52.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).
- Остафьевский архив (1899): *Остафьевский архив князей Вяземских*. Т. 4. Санкт-Петербург.
- Ронен, Омри (2010): *Чужелюбие. Третья книга из города Энн*. Санкт-Петербург: Звезда.
- САР (1822): *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Ч. 6. Санкт-Петербург.
- Срезневский, Измаил (1989): *Материалы для древнерусского словаря*. Т. 3. Москва: Книга.
- Успенский, Федор (2014): «Осип Мандельштам: Чужие языки в стихии русского», в: *Гефтер*, 20.10.2014 (<https://gefter.ru/archive/13337> — 20.11.2024).
- [Чилиев, Егор] (1817): *Чудесное исцеление, или путешествие к водам Спасителя в село Рай-Семеновское*. Санкт-Петербург.
- Шаховской, Александр (1886): «Двенадцатый год», в: *Русский архив* 11, 746–776.
- Bauer, Walter (1937): *Griechisch-Deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur*. 3., völlig bearbeitete Auflage. Berlin: Alfred Töpelmann.

- Crüsemann, Frank (1987): «Fremdenliebe und Identitätssicherung», in: *Wort und Dienst. Neue Folge*. Bd. 19, 11–24.
- Gesenius, Wilhelm (1921): *Hebräisches und aramäisches Wörterbuch*. 17. Auflage. Leipzig: F. C. W. Vogel.
- Heyse, Johann Christian August (1853): *Allgemeines verdeutschendes und erklärendes Fremdwörterbuch*. Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung.
- Kaltschmidt, Jacob Heinrich (1856): *Neuestes und vollständigstes Fremdwörterbuch*. Leipzig: Brockhaus.
- Müller, Wilhelm (1820): *Rom, Römer und Römerinnen. Eine Sammlung vertrauter Briefe aus Rom und Albano*. Bd. 1. Berlin.
- Nietzsche, Friedrich (1967): *Werke in zwei Bänden*. Bd. 1. München: Carl Hanser.
- Oberbauer, Ludwig Carl (1848): *Anleitung zum deutschen Militär-Style für jüngere Waffengefährten der k.k. österreichischen Armee, mit besonderer Rücksicht auf den Gebrauch in Cadeten-Schulen*. Gratz.
- Ritter Joachim (Hrsg.) (1972): *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 2. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Ronen, Omry (1983): *An Approach to Mandel'stam*. Jerusalem: The Magnes Press / The Hebrew University.
- Zehnder, Markus (2009): «Fremder (AT)», in: *Das Wissenschaftliche Bibellexikon im Internet* (www.wibilex.de).